

18+

***Малиновы́й
рай***

сборник

А. ВАСИЛХАН

А. Василхан

Малиновый рай. Сборник

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66171798

ISBN 9785005521484

Аннотация

Настоящий сборник является продолжением первых двух циклов повествований А. Василхана. В него входят рассказы о похождениях узбекского врача в Венесуэле, США, Испании и Германии, следом за которыми последует публикация повести о его приключениях в логове колумбийской мафии.

Содержание

РАССКАЗЫ	6
«Маленькая Одесса» в Сан-Франциско	6
Танец Сальса	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Малиновый рай

Сборник

А. Василхан

© А. Василхан, 2021

ISBN 978-5-0055-2148-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дорогие мои друзья!

Большое вам спасибо за то, что были рядом со мной, за помощь, оказанную мне, за «чувство локтя» для простого узбекского парня, попавшего волею судьбы в Латинскую Америку. Я всех вас помню и люблю! И эту маленькую книжку посвящаю вам.

– Франциско Марот, в 1980-х годах известный коммунистический лидер Венесуэлы.

– Габриэль Гарсиа Маркес, колумбийский писатель, лауреат Нобелевской премии.

– Освальдо Отахола, парапсихолог испано-индейского происхождения, венесуэльский юрист, историк, писатель.

– Педро Плотников и Роман Гончаренко, мои русские друзья, родившиеся и живущие в Венесуэле.

– Фернандо Ботеро, знаменитый колумбийский скульптор и художник.

– Ольга Андаро-Клавьер, обаятельная женщина, ведунья и колдунья из Венесуэлы.

– Мой названный брат Анхель Паласио, автомеханик, ку-десник и венесуэльский друг по безобразиям.

РАССКАЗЫ

«Маленькая Одесса» в Сан-Франциско

В своем далеком детстве, с детского садика, я дружил с одним мальчиком. Звали этого мальчика Леня Глицерин. Долгое время мне почему-то казалось, что это его кличка, а потом оказалось, что это его фамилия. Это выяснилось тогда, когда мы пошли в школу. Всех первоклашек записывали в журнал, и весь класс рассмеялся, когда он назвал свою фамилию – Глицерин (с ударением на последний слог). Но наша учительница строго наказала нам, что смеяться нельзя, так как это такая же фамилия как Иванов, Петров, Лисицын и т. д.

В нашей школе было много детей из еврейских семей. Мы все очень дружили независимо от национальностей. Дети из еврейских семей учились, в основном, лучше остальных и разрешали списывать у них математику, геометрию – кому что надо было. По дороге в школу и обратно мы охраняли еврейских детей от ребят из нашей махалли*, не разрешали обижать и отбирать у них бутерброды с колбасой. Часто бывали в гостях в еврейских семьях, их бабушки кор-

мили нас разными вкусными обедами: экзотический для нас форшмак*, фаршированная рыба, курица чахохбили. И уже в ранней юности мы понимали, что означает цимас* и изо-хен вэй*. Так происходило проникновение еврейского лексикона в узбекский обиход. Так мы и дружили, детской беззаветной красивой дружбой. Просто потому что эти ребята нам нравились, или потому, что нам вместе было хорошо, или потому что вместе мы достигали своих целей.

Прошло много лет. Судьба забросила меня в Калифорнию, там меня встречали мои другие еврейские друзья – Александр Яцкевич, и мой студент, мой ученик – Саша Чалык. Один был ташкентский еврей, другой – одесский. Оба они встречали меня с огромной радостью, потому что воспоминания о проведенной юности в СССР, в Ташкенте, настолько у них сильны, что вызывают бурю приятных эмоций. Так начался новый, калифорнийский, этап узбекско-еврейского общения.

Приехав в Сан-Франциско, я обнаружил там огромный район – «город в городе» который называется «Маленькая Одесса». В этом городе живет большое количество евреев из Украины (Одесса, Винница, Харьков и т.д.) и других республик бывшего Союза. Все они очень дружны между собой, так как все являются русскоязычными выходцами из СССР.

Прошло некоторое время. Мое пребывание в Америке подходило к концу. Как-то, за кружкой пива, мои друзья, в шутку, предложили мне жениться, чтобы остаться в Аме-

рике. И с этой шутки все вдруг закрутилось по-настоящему. Быстро нашлась претендентка на роль моей супруги. Это была симпатичная молодая еврейская девушка, лет на восемь младше меня. Она была вдова, звали ее Лиля Фулер, родом она была из Одессы, а ее родители имели кошерный магазин* в Сан-Франциско.

Самым простым способом быстро расписаться была поездка в соседний штат Невада, где по закону в течение часа можно зарегистрировать брачные отношения – оформить или расторгнуть официальный брак. В противном случае по калифорнийскому закону в Сан-Франциско нам пришлось бы ждать три месяца, для того, чтобы оформить наш брак, кроме того, пришлось бы выложить хорошенькую сумму адвокату. А так – заплатили 50 долларов – женились, еще 50 заплатили – развелись. Очень все просто.

Решили и быстренько тронулись в путь. Это была интересная 300 километровая поездка, местами живописная дорога, пролежавшая через Рэдвуд – гигантский мачтовый лес, где растут красные ели высотой до 50 метров. В итоге мы расписались в одной из юридических контор штата Невада за час до ее закрытия. Сертификат, подтверждающий наш брак, должны были нам выслать по почте. Это, кстати, тоже интересная американская особенность – все документы отправлять по почте. Причем даже те, что можно забрать сразу на месте. Вопрос в том, что за отправку документации почтой, естественно нужно заплатить. Американская систе-

ма не допустит, чтобы лишний цент остался у вас в кармане.

По возвращению в Сан-Франциско мы сразу же отправились в магазин к родителям моей новой супруги Лили. Это были «почтенные полуинтеллигентные люди»*. Дядя Изя, старый еврей, изумительно похожий на известного советского актера Зиновия Гердта, с очень выразительным лицом, мягкой улыбкой и добрыми глазами, сразу же принял меня за своего, воскликнув:

– О! Хотя бы на одного мужчину теперь в нашей семье будет больше! А то я один среди стольких женщин, они меня так подавляют!

Тетя Люба – боевая одесская женщина – партизанка торговых армий, которая выстояла двадцать лет на Привозе*, продавая масло, наспекулировала аж целый миллион и уехала так с этим миллионом в Америку. Быстрая, шумная, умная, удачливая дамочка с очень большим добрым сердцем, она странно на меня посмотрела и спросила:

– Почему-таки я только сегодня узнаю такую новость через другие руки? Звонила мама Алика Яцкевича и сказала, что вы уже совсем поженились? Можно ж было мне об этом сообщить! Уже таки я вам не чужая?

Мы с Лилей ответили, что хотели сделать им сюрприз. В ответ на это тетя Люба сказала:

– Раз уж таки вы решили, то и будьте счастливы!

Суетливо пригласила нас за быстро накрытый стол. К нам присоединились вошедшие следом Алик Яцкевич и наш ша-

фер Жора – гарный хлопчик из Одессы крепкого телосложения с красивым фактурным лицом с густыми бровями, голубыми глазами и совершенно белой кожей. Мы все с удовольствием вкусили пенициллин* тети Любы, и распили «самый приличный из доступных» коньяк «Хенесси» с дядей Изей. За пиршестввом я рассказал о себе, о своем детстве, проведенном в среде еврейских детей, мы много шутили и смеялись. Так я был официально принят в еврейскую кошерную общину Сан-Франциско.

День нашего необычайного бракосочетания подходил к концу. В восемь вечера мы с супругой отправились домой, но не успели принять душ, как пришли дядя Изя с тетей Любой. Они принесли с собой кучу съестного к ужину. «Не пропадать же добру! От ужина радикулиту не бывает!». Под такими девизами мы организовали новое застолье. За ужином очередные пятьдесят грамм «самого приличного из доступных» для дяди Изи оказались лишними, и он взялся за аккордеон. Взбешенная тетя Люба заявила:

– Изя! Возьми свой аккордеон и играй с ним в ванной, пока у тебя не отвалятся уши! Уже таки все, это всем известно и инструмент твой всем порядком надоел!

Дядя Изя ушел с аккордеоном. А мы остались смотреть на калифорнийский закат, а потом расположились спать на диване в большой комнате.

Ранним утром я проснулся от непонятного шумного интенсивного говора, раздающегося из прихожей. Рядом рас-

пластавшись на спине, запрокинув голову, с широко открытым ртом, храпела моя новая благоверная. Между пальцами свисающей руки зажат потухший окурок сигареты. Как оказалось, это тетя Люба разговаривала с кем-то по телефону через встроенный внешний динамик. Складывалось ощущение, что она специально так поступила, чтобы было всем слышно с кем и о чем она говорит.

– Ну что, Сонечка, ты еще спишь? Солнце уже высоко! Пора вставать! Иначе все интересные новости пройдут мимо твоей кассы!

– Ну что ты мне звонишь в 7 часов утра?! Что может быть такого важного, ради чего надо будить меня так рано?

– Ты ж таки проспишь все на свете! Дурочка, я ж уже о тебе забочусь! Мы же старые подруги! Мы тебя записали номером тридцать восемь. Здесь уже очередь, здесь дефицит, здесь уже невозможно ничего сделать за три месяца вперед.

– Какой дефицит?! Какая очередь?! Ты сошла с ума? В Калифорнии нет ни очередей, ни дефицита. Иди в магазин – бери, что хочешь!

– Этого не купишь в магазине Яцкевича! Наш новый зять – профессор-неврипатолог. Понимаешь, да? Вчера так-ки эта наша дура вышла замуж за хорошего мальчика. Он, правда, не еврей, но очень образованный. Теперь у нас в семье один профессор-неврипатолог. Если надо – вставит китайские иглы в голову. Если не в голову, то в другое место. И тоже от всего очень здорово помогает! Говорят, он – даль-

ний родственник нашего раввина Сёмы. Тот ведь из Самарканду. А этот из Ташкента, или из Бухары. Слушай, а может быть он зашифрованный бухарский еврей, а мы и не знаем?! Он знает, что такое цимас и изохен вей. Сам таки говорит, что это от того, что он вырос среди евреев. А может он такой вумный от того, что он на самом деле какой-то зашифрованный еврей... Может он попал в какие-то странные дела?

Этот разговор с некой Соней длился еще довольно долго. В конце разговора тетя Люба заявила:

– Сонечка! Ты должна прийти сегодня в шесть часов вечера в наш кошерный магазин, он будет делать сеанс одновременного осмотра, как Остап Бендер в шахматы, помнишь у Ильфа и Петрова, этих двух прекрасных еврейских писателей?

Соня в ответ посмеялась и пообещала обязательно зайти. Тетя Люба добавила:

– Да, и возьми с собой Лёлю и Цилю! Я не могу дозвониться этим дурам уже вторые сутки! Хотела записать их первыми, а теперь они будут тридцать девятая и тридцать десятая. Пожалуйста, возьми их с собой!

Потом они шумно засмеялись и распрощались. В этот момент я вышел в коридор. Тетя Люба запахнула халат и кокетливо проворковала:

– Я в неглиже!

На что я отреагировал:

– Тетя Люба, я на вас не смотрю! Доброе утро! Можно я

пройду в ванную?

Она ответила:

– Там Изя, он бреется.

Я спокойно сказал:

– Окей, тогда я подожду своей очереди.

Тетя Люба и здесь не промолчала:

– Вот! Так и должно быть! Все должно быть по старшинству – сначала идут старые люди, потом – молодые! У старых людей нипель уже не держит, а вот молодые могут и потерпеть.

Я взял бутылку с калифорнийской минеральной водой и вышел на балкон. Пока я пил эту воду, пришла в голову мысль, что калифорнийская минеральная вода – это еврейская газированная вода за одну копейку из моего ташкентского детства, чистая вода из водопровода, заправленная углекислым газом. «Вот тебе и калифорнийская вода!», – подумал я про себя и улыбнулся, вспомнив, как наша соседка тетя Циля, продававшая газированную воду, кричала бегающим по жаре ребятам:

– Дети, дети! Идите ж таки ко мне! У меня тут цельный фонтан! И этим фонтаном я напою ваши разгоряченные души!

И бесплатно наливала нам целый стакан газировки. Прохладная содовая водичка, которую мы выпивали, один стакан на двоих, пощипывала нос и утоляла нашу неумную жажду. Встрепенувшись от воспоминаний, я увидел Лилю.

Прикуривая, она подошла ко мне и спросила о том, как я спал свою первую ночь в их доме. Я ответил, что ночью было сыро из-за открытого окна.

– Мама не разрешает мне курить. Я покурила ночью и открыла окно, чтобы проветрить запах табака, да так и заснула.

– Боже, сколько тебе лет, милая моя?! Пятнадцать?! Двадцать?! – воскликнул я.

– Нет, но так у нас дома повелось, что я не могу возразить или нагрубить маме. Я как-то ей сказала, что я не курю, и мы играем в эту игру уже много лет.

Я заверил, что не буду нарушать правила их игры, и тут меня позвала тетя Люба:

– Алик, иди, побрей свою профессорскую физиономию, надень свою лучшую рубашку, сегодня после шести будет сеанс одновременного осмотра. Мы таки тоже сегодня поиграем. Мы уже пустили слух о том, что профессор медицинских наук будет сегодня смотреть всех, у кого есть проблемы со здоровьем и создали-таки большую очередь. Ты знаешь, что у нас есть проблемы?! Наши старые евреи не разговаривают по-английски, и когда идут к докторам, те их не слушают! Они молча выписывают им какой-нибудь хренов аспирин, а он им ни к чему не нужен!

Она долго еще что-то объясняла, переживала, рассказывала, а я уже понял, что с сегодняшнего дня мне придется работать главным психиатром или невропатологом для всей потрепанной временем еврейской общины города.

В шесть вечера я, как штык, был в кошерном магазине моих родственников. Заварил себе чайник чая, взял какие-то листы бумаги, карандаши, чтобы делать пометки и сидел в уголке в ожидании сеанса. Потихоньку собралась отчаянная компания из семи старушек от семидесяти и старше. Я подошел к ним и сказал:

– Здравствуйте, дорогие дамы!

А дядя Изя из-за прилавка добавил:

– И господа! Господа тоже присутствуют!

Тем самым он подчеркнул, что является единственным мужчиной во всем этом курятнике. Все посмеялись, и каждая из женщин кивнула мне головой. Все они были на свой лад, по-разному подстриженные, причесанные, напозаженные. Некоторые из них были в себе, некоторые не в себе, а некоторые даже очень не в себе. Почтенная матрона, подслеповато оглядываясь вокруг, спрашивала сидящую рядом такую же древнюю подругу:

– Циля, скажи мне, где я и кто я? И зачем я здесь сижу?

– Сиди, Лёля! Ты сегодня в очереди тридцать девятая! Сейчас уже очередь до тебя дойдет.

– Ну как же мы можем быть тридцать девятыми, если мы в очереди из семи человек и больше никого нету!?

– Молчи, Лёля! А то Люба обидится и в следующий раз запишет вас пятьдесят девятыми! И вы будете ждать в два раза дольше! А так дефицит вот уже к нам приближается!

Когда я осмотрел всех этих дамочек, то пришел в дикий

восторг от мысли, что международная сенильная* организация не сохраняет памятники своей древности.

Одной старушке во время сеанса, посмотрел язык, оттянул веко, а вторая рядом сидит и, игриво закатывая глазки, говорит подруге:

– Что он тебе смотрит только в веки? Может ему надо ж таки еще бюстгальтер открыть, показать, что у нас там еще кое-что еще и осталось?

Не обращая внимания на старческий флирт, я спрашиваю одну из старушек:

– Что болит? Как болит?

А эта культурная, красиво подстриженная, ухоженная женщина лет восьмидесяти, мне отвечает:

– Вы знаете, в принципе, у меня ничего не болит, но так как мне сказали, что консультация будет в два раза дешевле, как дальней родственнице и как близкой подруге, то я пришла! И, например, я могу рассказать, что ночью я не сплю, аппетита у меня совсем нет, глаза мои то видят, то не видят. Вот, посмотрите на мои глаза. Я сегодня, пока один глаз подводила, подкрашивала, видела все хорошо, потом глаза видеть перестали и теперь линии на втором глазу совершенно разные – одна кривая, другая косая!

И рассмеялась, думая, что она очень удачно пошутила. Я, естественно, подыграл и сказал, что у нее прекрасные глаза и отличный парфюм. От нее пахло ароматом «Кармен», популярным одеколоном сороковых – пятидесятых годов в Со-

ветском Союзе. Запах, знакомый мне с детства по домам моих товарищей однокашников. В итоге я назначил ей обычные порошки из трав, которые она могла найти у тети Лели, у которой был неподалеку магазин «Травы» и я пообещал сделать ей лекарство из этих трав.

Как закончился этот вечер, я уже не помню. Раньше сеансов одновременной игры в моей жизни не было, зато теперь они становились моим еженедельным занятием. До следующей среды мне необходимо было выработать стратегию и тактику безошибочного определения недугов стареющего и побитого жизнью еврейского, бывшего советского, населения прекрасного калифорнийского города Сан-Франциско. Кажется, моя новая супруга Лиля предложила сходить в магазин к ее китайскому другу доктору Цангу за иголками, чтобы, как говорила ее мама, тетя Люба, «всем поставить в лоб по одной золотой иголке». На том мы и договорились, что завтра пойдем к китайцу за иголками и будем каждому желающему ставить «по золотой иголке в лоб».

Примечания:

- Форшмак – специальное блюдо у евреев из рубленой селедки.
- Цимас – самое то по-еврейски.
- Изохен вэй – специфический еврейский возглас.
- Махалля – городской квартал со своей административной системой, напоминающей сельскую управу.

– Кошерный магазин – магазин, где продают продукты, разрешенные еврейским законом. На каждом товаре стоит печать раввина с надписью «кошер» – годный к употреблению.

– Почтенные полуинтеллигентные люди – сложное словосочетание, особое определение, характерное для советско-еврейских семей.

– Привоз – знаменитый одесский рынок.

– Пенициллином евреи Сан-Франциско называют суп из куриных окорочков – «Ножек Буша». Свое название этот суп приобрел за то, что он лечит все заболевания.

– Сенильные – старческие психологические расстройства.

Танец Сальса

Барселона*, июнь 1986 года

Мы прилетели в Венесуэлу.

Нас встречал брат моей жены Важито Марот, который руководил агентством по охране VIP-персон и был знаком с комиссаром аэропорта. Поэтому нас провели в город через зеленый коридор VIP-зала, без очередей, паспортного контроля и таможни. Первые два дня мы остались погостить у него в Каракасе, на его машине мы поехали туда, где нас ждало все семейство.

После восемнадцати часов перелета мы были усталыми до предела. Мы и не заметили, как оказались в его квартире. Наспех приняв душ, прошли в зал и, выпив апельсинового сока со льдом, почувствовали себя значительно лучше.

На следующее утро нас навестила сестра жены, ее звали Селина. Бурная волна Карибского марева нас захлестнула вместе с рассказами обо всем и обо всех.

На улице было сорок градусов по Цельсию в тени при сто-процентной влажности, такую погоду сложно было переносить. Я внимательно наблюдал за окружающей меня обстановкой и многое из увиденного раздражало меня. Действовало усталость, мы были буквально задавлены ею. Время бежало медленно, как все в тропиках, а около шести часов вечера солнце вдруг резко село за море и наступила ночь. Стран-

но было наблюдать в это не позднее время горящие фонари на улицах Каракаса. Город вдруг наполнился народом, казалось, что все население одновременно вышло на гуляние. У меня настроение падало, мне казалось, что мы прибыли из цивилизации в какой-то другой мир – липкий, жаркий, полный непонятных звуков и запахов.

Через два дня нас проводили в Барселону. Мы доехали до города на междугороднем такси за три часа. Никто нас не встречал. Мать моей жены, Лилия Марот, была дома одна.

Начинался тропический дождь, атмосфера сильно напрягалась, начинала болеть голова. Внезапно пошел такой ливень, который я не видел нигде. Тонны воды обрушились на город, и казалось, затопили его. Но через час вся вода куда-то исчезла и мне пояснили, что в тропиках природа так устроена, что вода сама находит путь, куда ей уйти. День проходил полупьяный, как плохой сон и наступал вечер, липкий, полный москитов.

Около семи вечера нас посетил старший брат жены Франсиско. Он приветствовал нас в Барселоне и подарил нам средство от москитов. Подарок пришелся нам очень кстати, и мы быстро намазались им, чтобы не быть съеденными заживо. На ночлег мы отправились в соседнюю комнату, спали в развешанных гамаках. И это было страшно неудобно. А в пять часов утра меня разбудил шум. Это оказалась война кошек и крыс. Она происходила у нас комнате, прямо под нашими гамаками.

Так начиналось первое утро в Барселоне. Пахло черным кофе, жаренной арепой*. Был слышен чуть приглушенный голос доньи* Лилии и запах сигарет Маргариты, старшей сестры моей жены, она пришла увидеться с нами спозаранку.

Пройдя в ванную комнату, я умылся, но даже не ощутил радости прикосновения к воде, она была здесь совсем другая. В доме и на улице не было центрального водоснабжения, вода запасалась в кадках, бочках и ведрах и довольно быстро протухала.

На кухне сидели две женщины: одна была восьмидесяти лет, другая – пятидесяти, обе красивые. Римские или корсиканские черты явно проступали на их лицах. Одна светилась силой ума, вторая была древняя как вечность.

Дом семьи Марот находился на окраине старого города и занимал добрых шестьсот метров в длину, тысячу в ширину. С одной стороны он граничил с похоронным бюро через стену, с другой с чьим-то двором. В дальнейшем запах из бюро меня сильно раздражал, но помогал воспитывать мой дух. Первое время меня охватывали пессимистические мысли, но я сжал волю в кулак и терпеливо ожидал, что же мне еще предложит судьба. Я так смотрел на все это и думал: «Да, надо же, как тебя угораздило». Но дух первопроходца надо мной взял вверх, я адаптировался и начал обживать новое пространство. Дом состоял из одиннадцати комнат с длинным коридором. Стены внутри были чисто символическими, они стояли на таких металлических шпильках,

как бы над землей. Из одной комнаты в другую пробежали крысы или мыши, за ними бегали кошки. Такой интересный эскорт. В другом конце дома была мастерская старика Маррот, он был художник по металлу и изготавливал кованые гнутые металлические решетки и двери. Душ и туалет были построены в период пятидесятых годов, видимо, с тех пор не ремонтировались и не обновлялись. Водопровода не было, все пользовались запасенной водой из кружечки или бутылочки.

Крыша была металлическая, без черного потолка – просто гофрированный металл. Днем она сильно накалялась и сверху шел сильный поток тепла, жара при этом стояла неимоверная.

Тоска охватила меня беспредельная. Первые 3-4-5 дней, пока я адаптировался с климатом и со всем остальным, время, превратившись в глицерин, липко растекалось, издеваясь надо мной.

Старушка Лилия – мама моей супруги, красивая белокурая голубоглазая корсиканка с отвратительным и надменным характером, сидит и как паук, вяжет корсиканские кружева, вечно всем недовольная. Все время тяжело вздыхает и свистит, как попугайчик. Позже я узнал, что свист означает – кончились деньги, нет кофе в доме и т.д. Чтобы не присутствовать при этой удручающей картине, я периодически надевал свои штиблеты, в одних шортах и майке шел гулять по старому городу. Кружил по извилистым улочкам Барсело-

ны и вспоминал Ташкент пятидесятых. Странное ностальгическое чувство охватывало меня, заставляя переживать давно прожитое. Так, убегая от себя, пытался понять – где мое предназначение, куда я попал.

Однажды занесло меня в рабочий квартал, который находился у моря. Издалека я услышал льющуюся мелодию, приправленную специфическим скрипом. Впоследствии я понял, что так звучит старая роккола*, которая играет в таверне уже сорок лет. Я еще тогда не разбирался в карибской музыке и не знал что это такое. А это была сальса. Войдя в эту таверну или ресторанчик для самых бедных людей, с камышовой крышей из тростника, я увидел чудную картину. Таверна была устроена по-индейски, очень просто. Столб, стоявший посередине, удерживал крышу, круглая площадка из гладкого цемента, метра 3 в диаметре, которая блестела как лысина возбужденного мужчины. Около барной стойки стояли два совершенно пьяных мужика и пили пиво. Как оказалось впоследствии, все люди, приходившие в таверну, сначала пропускали дозу карибского рома. Воздух висел липкий, полуденный, опьяненный маревом карибского дня и непонятной музыкой. Одинокая пара самозабвенно танцевала на площадке. Жара путала и уносила всех в непонятное место, наводила в их мозгу свой порядок, никому доселе не известный, и имя ему было сальса*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.